

ПРАВЕДНОСТЬ СУДЬБЫ

Namuchi Asur

Праведность судьбы

«Автор»

2026

Asur N.

Праведность судьбы / N. Asur — «Автор», 2026

Великий Обелиск высится над городом как символ нерушимой веры. В его тени процветает идеальное общество, но под землей, в тайных лабораториях бьются в конвульсиях те, чья энергия питает это благоденствие. Каждый здесь считает себя правым. Послушники Шадума защищают человечество от хаоса, а Орден готов пролить кровь ради призрачной баланса. В этой войне нет правых и виноватых. Здесь у каждого своя истина, своя цена и своя праведность судьбы.

© Asur N., 2026

© Автор, 2026

Namuchi Asur

Праведность судьбы

Глава 1: Песок

Камень тёплый даже утром. Ночь не успела его остудить.

Пыль липнет к сандалям, потом к щиколоткам, затем становится частью походки.

Так ходят здесь все - будто земля заранее берёт своё.
Караван тянется лениво. Ишаки дышат ровно, люди - чаще.

Южные свободные города любят торговать, но не любят дорогу.

Степеходы не имеют выбора. Их ведёт южная звезда.

Я иду сбоку. Так проще исчезнуть, если понадобится.

Так проще не задавать вопросов, если будут ждать ответов.
Ветер пахнет солью и сухими травами.

Где-то слева - море, но его не видно.

Здесь вообще мало что видно далеко. Всё либо под ногами, либо в голове.

С каждым шагом караванщики становятся ближе к своему золоту .
Оливковые деревья встречаются редко, так же как и сомнения в моей голове.

Под одним из них ночевали вчера.

Листья шептали, когда я закрывал глаза.

Не слова - воспоминания.

Такие места любят помнить.
Кожа на руках стянута, губы трескаются.

Это правильно. Тело должно напоминать, где ты находишься.

Комфорт расслабляет волю.

Орден учил этому долго и терпеливо.
Солнце поднимается, и вместе с ним поднимаются деревни неподалеку..

Не сразу.

Сначала - козы.

Потом - люди.

Кто-то из торговцев делает двуклятву по-своему, бормочет молитву.

Кто-то плюёт через плечо, отдавая дань прошедшим дням.

Я считаю шаги, запоминаю ориентиры.

Сельские дома остаются позади.

Глиняные, приземистые, будто боятся смотреть вверх.

Старик вывел своё овечье стадо на пожелтевшую траву.

Его чёрный пёс смотрит мне в душу. Я отвожу взгляд.

Позади вспыхивает спор. Два стада смешались, пастухи кричат, нарушая утренний покой. Обычный человеческий хаос.

Небольшая война за правду. У каждого она своя. Так же как и своя выгода.

Очередная ночь, уже ближе к пустыне. Воздух стал суше, и прохладнее. Во время сна земля дрожала.

Слабо, но достаточно, чтобы проснуться.

На горизонте была сине-жёлтая вспышка. Короткая, глухая, как удар по закрытой двери .
Эхо далёких земель за морем.

Караван подумал на грозу.

Я - нет. Нужно будет проверить архивы по возвращении в Орден. Если мне позволят .

Не думаю, что это помешает моей миссии.

Песок ещё хранит ночную прохладу.

Я опускаюсь на колено, будто поправляю ремень.

Пальцы касаются земли.

Она молчит.

Это хуже, чем ответ. Не буду использовать восприятие с максимальной силой.

Порошков высокого качества слишком мало.

Утро. Пустыня сменила спокойную степь.

Цель близко. Караванщики слишком устали, остановок становится больше.

Воды всё меньше. Ещё 2 дня. 120 000 шагов.

Раскалённый песок наполненный безмятежностью просачивается в обувь. Я закрою лицо тканью от солнца и продолжу путь. Небольшой городок радушно принимает в себя путников.

Шанс пополнить запасы, узнать что происходит вокруг.

Как и ожидалось, все принимают меня за приблудившегося к каравану северянина . Их наивность, моя сила. Главное не быть собой, главное оставаться кем то.

Ночью проверяю запасы. 8 грамм чистой руды, 3 разбавленной пыли. Обоюдоострый с узкой гардой нож и моя воля.

Ночью снится сон. Наставление ордена. Ты орудие судьбы, ты предвестник баланса. Проснулся. Величие этих слов захлестнуло меня, придало мне силы. Весь остальной караван всё ещё спит, набирается сил перед преодолением барханов. Мне же надо преодолеть моё нетерпение.

Предрассветная медитация. Набираюсь концентрации, это позволит экономнее использовать магию если понадобится. Расширяю свое восприятие. Чувствую как мышь пробегает в 10 метрах от меня под ящиками, капля росы падает с листа финика. Ясность пронизывает мой разум между ударами сердца. Для меня пролетела вечность, но ореол солнца лишь слегка поднялся из моря песка.

Все вещи отбрасывают тень. Некоторые люди могут её избежать. Путь продолжился с задержкой. Местные торговцы охотно скупают заморские отбросы руды выдавая их за магические зелья для приграничных вельмож жаждущих прикоснуться к чуду.

Забравшись на один из высочайших барханов я отчётливо вижу город. Стены без украшений. Башни без гордости. Никакого величия по сравнению с северной столицей за морем, только практичность и гнетущая строгость.

В центре - тень, которая не двигается вместе с солнцем. Я раньше никогда не видел черный обелиск такого размера. Все молитвы местного народа направлены именно на него. Меня принимают за невежду который не разделяет их рвения.

Стражники на дальнем посту - точки.

Пока.

Один смотрит вдаль. Другой - внутрь города.

Третий - на монолит.

один из караванщиков на южном торговом наречии говорит, что скоро будут приграничные посты. Я их увидел быстрее, чем он закончил фразу. Но я не должен выдавать мой острый взгляд, это может быть подозрительно.

Караван останавливается у колодца, выложенного булыжником .

Вода тёплая и пахнет железом. Изображаю неутолимую жажду. Другим людям в этом нет необходимости.

Пью медленно. Спешка выдаёт рвение.
Люди говорят о податях.

О новых праздниках.

О пророке, который видел свет и приказал смотреть.

Всегда смотреть за горизонт своей тощей души к единому богу Шауду.
Я слушаю, не запоминая лиц.

Лица — расходный материал.
Когда солнце в зените, город кажется ближе, чем есть.

Это обман.

Подходы к таким местам всегда длиннее, чем кажется.

Тюки снова навьючены на ишаков. Торговцы ругаются тише — жара выпивает из них лишние слова. Мы выходим на путь к главным воротам.

Дорога здесь шире, с великолепно отшлифованным камнем, гладким как стекло. Обширные поля с идеальными оросительными каналами окружают город гигантским кольцом. По бокам начинают попадаться те, кого город не принял. Или те, кого выбросили за ненадобностью.

Нищие. Их кожа серая, сухая, как пергамент. Они не просят милостыню, они просто сидят в тени редких навесов и смотрят на Монолит. У одного из них — мальчика лет двенадцати — пальцы на правой руке срослись в единый роговой нарост. Рудная пыль здесь повсюду, она в воздухе, в скудной пище, в воде с привкусом крови. Город впитывает их, перемалывает и выплевывает остатки на обочину, и это наиболее милосердная участь на которую они могут рассчитывать по сравнению с другими, о которых я только слышал.

Мой Орден называет это «одной из возможных форм стабильности региона». Красивая ложь для тех, кто сидит в прохладных залах на Севере и мечтает о таком же всевластии.

Перед воротами — очередь. Патрульные Малкуату не похожи на наемников севера. Они не шутят, не требуют взятки, не проверяют тюки с ленивым безразличием. Их доспехи из темного железа подогнаны идеально, лица скрыты за масками с узкими прорезями для глаз.

Они двигаются синхронно, будто исполняют затянувшийся ритуал. Один из них делает шаг навстречу нашему каравану. В его руках длинное копьё прекрасной работы. Грани серые с характерным узором, похожим на круги на воде.

Мое сердце бьется ровно. Сорок два удара в минуту. Орден учил затуплять свои эмоции, прятать внутреннюю силу так глубоко, чтобы я сам почти забыл что она у меня есть. Я — просто северянин. Пустой. Безопасный.

Один из стражников поднимает копьё, преграждая путь первому верблюду. Наконечник замирает в дюйме от морды животного.

Второй патрульный обходит караван. Его шаги по чёрному камню дороги звучат глухо, без цоканья подковок. Подошвы их сапог подбиты чем-то мягким. Они ищут металл, ищут контрабандную руду, проверяют клейма на тюках.

На меня стражник бросает лишь секундный взгляд. Оборванный плащ, пыльные сапоги, опущенные плечи. Для него я — грязь, прилипшая к копытам каравана. Варвар без имени и будущего. Копье поднимается, освобождая дорогу.

— Проходи, — звучит короткий приказ.

Мы пересекаем линию ворот. Тень от массивной надвратной арки на мгновение скрывает солнце и монолит, принося секундную прохладу, а затем мы выходим на Внутреннюю дорогу крепости.

Город не спешит открываться перед нами жилыми кварталами или рынками, которые ожидаешь увидеть после ворот. Впереди — длинный, узкий каменный коридор без крыши, только с древними величественными арками, зажатый между двумя высокими стенами из того самого темного камня. Никаких ответвлений. Только прямая линия, ведущая к первой из многих круговых площадей. По бокам, на верхних галереях стен, стоят арбалетчики. А в конце коридора, у выхода, установлены три тяжелых кресла из резной белой кости.

В них сидят трое. На них нет доспехов — только свободные шелковые робы цвета запекшейся крови. Лица закрыты золотыми масками с багряными линиями. Через мрачные, глубокие глазницы лучи солнца на мгновение подчеркивают бледную кожу, почти прозрачную, а под глазами залегли глубокие черные бездонные тени.

Кашиипу . Живые сита для человеческих душ.

Они не смотрят на тюки. Они смотрят на идущих. Их глаза не двигаются, но я физически чувствую, как воздух в коридоре становится густым, словно кисель. Первая волна чужого внимания касается моей головы. Мягко, как лапа сытого хищника, но невероятно глубоко. Они ищут не руду. Они ищут чужие мысли. Чужие намерения.

Старший караванщик Ибра, идущий впереди, вдруг спотыкается на ровном месте. Его лицо бледнеет, улыбка исчезает, взгляд становится стеклянным.

Я совершаю ошибку. На долю секунды, поддавшись профессиональной привычке оценивать угрозы, я поднимаю голову и смотрю прямо в глаза центральному из смотрящих. Оцениваю дистанцию, ищу уязвимые точки на шее.

Кашиипу замирает. Его бледные худые пальцы впиваются в подлокотник кресла. Не сдвинувшись с места, он начинает внимательно осматривать каждого из каравана. Его зрачки мгновенно расширяются, заполняя всю радужку. Он пока не понял, что именно он почувствовал. Действовать надо быстро.

Мгновенная порция порошка высокого качества в потайном кармане. Только он сможет дать мне так быстро и так много магии, что бы я смог продолжить мою судьбу. Мне придется сжечь треть запасов ради одного прыжка. Скорее всего я потеряю сознание, но сейчас это единственная альтернатива смерти.

Вдох. Не глядя я нащупываю сверток размером с ноготь. Восковая печать с хрустом ломается. Серая пыль оказывается на языке еще до того, как я успеваю выдохнуть.

Вкус горький, ледяной, отдающий паленой плотью. Руда растворяется мгновенно, всасываясь прямо в кровь. Сердце, только что отсчитывающее сорок два удара, делает бешеный, болезненный толчок, будто в грудь вогнали железный штырь. Пространство вокруг меня начинает понемногу расслаиваться. Звуки шагов каравана, тяжёлое дыхание верблюдов, шорох арбалетных болтов на галереях — всё это вытягивается в одну бесконечную гудящую ноту. Как только растерянный взор Кашиипу на секунду прячется за одной из арок, я закрываю глаза. Моя воля вырывает моё горящее тело из пространства и перемещает в двухстах шагах позади стен коридора. На месте, где я только, что был на долю секунды остаётся лишь чёрная обсидиановая вспышка. Меня выворачивает наизнанку. Кости будто плавятся и превращаются в переломанный хворост, а разум затапливает ледяная волна огненного безумия. Орден предупреждал: подобные техники без долгой подготовки — это посмертные муки нижнего мира

десяти тысяч лет пережитые за секунду. Ты разлагаешься в одном месте и надеешься, что твоя воля сможет собрать тебя в другом. Самовоскрешение через погибель.

Глава 2: Заветы

Ветер бьет меня по лицу. Пахнет сухим навозом, старой соломой и раскаленной глиной. Во рту стоит густой металлический привкус крови. Солнце палит нещадно мою загорелую, обветренную северную кожу. Я лежу на боку, на плоской крыше какого-то дома, судорожно плотая горячий воздух. Руки дрожат так сильно, что я не могу сжать пальцы в кулак. Вся моя сила и концентрация исчезла за одно мгновение спасения. Мое тело платит за это слабостью, которая сейчас страшнее любого стражника. Я должен встать. Я должен вспомнить заветы нашего ордена.

Первый завет: тело — это рукоять, воля — это лезвие.

Понемногу начинаю выравнивать дыхание. Я заставляю воздух входить в легкие медленно, задерживая его на три удара сердца. Слишком быстро бегущая кровь выдаст меня любой ищейке. Пятьдесят ударов.

Второй завет: Реальность это то, что создаем мы.

Разум начинает проясняться. Внутренний туман, оставшийся от огненного безумия руды, рассеивается. Я не смотрю на мир глазами — я слушаю его кожей. Стены этого дома, раскаленная глина под ладонями, гул меди в воздухе. Я возвращаю контроль над собственными чувствами. Я снова становлюсь хозяином своей головы, а не ее заложником.

Переворачиваюсь на живот, вжимаясь в крышу. Подтягиваюсь к краю и осторожно заглядываю вниз, в длинный переулок.

Идеальная чистота и порядок. Двух-трехэтажные дома сложены из грубого, но крепкого светлого камня. Этот строгий порядок подавляет. Несколько детей проходят рядом. Кто-то прижимается к стене, кто то стоит напротив и ведёт разговор. Подняв глаза вверх я вижу что лежу под тенью Монолита.

Третий завет: Истинная тень рождается там, где свет сияет ярче всего .

Я замираю. Мой плащ слит по цвету с грязной крышей. Я не двигаюсь, не перевожу взгляд, даже не моргаю. С края города видно насколько огромно это сооружение, самое большое из всего, что я видел. Идеальный чернее чёрного обелиск с еле уловимым зелёным свечением. Даже летний дворец императора Аднохра не выглядит столь впечатляющим. Дети внизу уходят.

Четвертый завет: Мир — это чаши весов, а мы — свинец на её донце.

Концентрация вернулась, но магии во мне не осталось даже на то, чтобы зажечь искру. Если я приму даже в 10 раз меньшую дозу руды, гибели, или мутации мне не миновать. Нужно время. Я медленно опускаю руку к поясу. Пальцы находят обоюдоострый нож с узкой, острой гардой. Прохлада металла успокаивает лучше любых молитв. Если кто-то поднимется сюда, мне придется выживать по-старому. Ещё до того, как я будучи сиротой, попал на обучение в орден. Только я и клинок.

Вдруг на углу переулка появляется патруль стражи. Четверо. Глухие доспехи из темного железа на торсе, и руках, мелкая кольчуга в самых уязвимых местах и шлем без забрала и хорошо защищенной шеей. Они идут быстро, заглядывая в каждую щель. У командира в руке широкий, прямой меч с круглым узором, как и у первого увиденного мной стражника этого города. Я не могу прочесть их мысли сейчас, и не смогу узнать, ищут ли они меня, или это обычный, регулярный обход отдаленных районов города.

Пятый завет: Смерть идёт впереди нас, послушание позади нас, мы же ходим в тени.

Я должен встать. Орден не принимает оправданий. Я не принимаю слабость. Цель близко. Нужно уходить в глубь кварталов, пока Кашиипу не перекрыли этот район окончательно если

они всё же заметили моё исчезновение, либо пока не настала ночь и на улицах останеться только стража.

Патруль скрывается за поворотом. Звук их шагов затихает, оставляя переулок безупречно тихим. Пора.

Я бесшумно сползаю по раскаленному скату крыши к выступу второго этажа. Мышцы все еще ноют, обжигая плоть змеиным ядом, но заветы Ордена заставляют двигаться. Мои пальцы находят узкий каменный карниз, а сапоги упираются в шероховатую кладку стены. Прямо под моими ногами — небольшое прямоугольное окно, приоткрытое, чтобы впустить в прохладу от полуденного пекла.

Заглядываю внутрь.

Комната тонет в полумраке, но идеальный порядок виден даже здесь. Никакого хлама. Простая деревянная кровать, заправленная темными простынями без единой складки. Стол, на котором ровной стопкой лежат глиняные таблички для записей. Монолит, или странная местная культура выжигает индивидуальность, превращая дома в одинаковые ячейки огромного улья? Все эти гигантские мелочи мне не были известны, соответственно и орден о них не знал, иначе он сказал бы мне об этом. К тому же это великая честь, ведь я первый кого послали в этот город.

На спинке стула у стены висит длинная свободная роба из грубого светлого хлопка — типичная одежда местных горожан низшего сословия. То, что мне нужно.

Я бесшумно, словно змея, проскальзываю через оконный проем. Мои ноги касаются чистого каменного пола без единого звука. В воздухе пахнет сушеной мятой и едва уловимым, сладковатым ароматом благовоний. Где-то в глубине дома, за тонкой занавесью, слышится монотонное, ритмичное бормотание. Хозяин дома здесь. Он молится, уставившись на зеленое свечение Монолита, пробивающееся сквозь щели деревянных ставен. .

Не оборачиваясь на звук, я протягиваю руку к стулу. Пальцы берут ткань. Роба пахнет местным потом, дешевым маслом и пылью этого города — идеальная маскировка.

Я натягиваю её прямо поверх своего походного костюма караванщика. Он мне ещё понадобится, когда я буду уходить. Нож Муссо исчезает в глубоких складках широкого подола, оставаясь под рукой. Я накидываю на голову капюшон, скрывая своё лицо от случайных глаз.

Теперь я один из них. Безымянная деталь великого механизма Шадума. Я снова готов раствориться в тени.

Малкуату не растёт вширь, он закручивается внутрь.

С высоты крыши этого было не понять, но здесь, изнутри потока, геометрия города становится очевидной. Он выстроен идеальными концентрическими кольцами, которые стягиваются к центру, словно воронка. Каждое кольцо отделено от следующего широкой, идеально прямой радиальной дорогой. Эти проспекты прорезают жилые кварталы насквозь, как спицы колеса, обеспечивая страже идеальный обзор от самых внешних стен до подножия Монолита. Здесь невозможно затеряться в переулках — любая кривая улочка рано или поздно выплевывает тебя на одну из этих широких, простреливаемых арбалетчиками осей.

Архитектура давит своей тяжестью. Дома из темного сланца и светлого известняка лишены изящества северных дворцов, но в них чувствуется мощь древних, старше чем сама история земель: массивные глиняные порталы, глухие стены без окон на первых этажах и ступенчатые террасы, напоминающие уменьшенные погребальные храмы Хронумеридии. На плоских крышах сушатся финики и светлые ткани, но этот привычный восточный колорит кажется ненастоящим, декоративным. Навесы от солнца натянуты с пугающей геометрической точностью. Ни одной лишней детали. Никакого хаоса, свойственного торговым городам Юга.

Люди вокруг меня разговаривают. Тихо, монотонно, без привычной для южан жестикуляции и криков. Но стоит вслушаться в их речь, как по коже пробегает мороз. В их голосах нет

жизни. Они спорят о ценах или делятся новостями, но используют одинаковые, словно заранее заученные фразы. Их разум будто просеян через мелкое сито.

— Шадум милостив, сегодня распределение масла прошло без задержек, — негромко говорит один горожанин другому. Его лицо при этом остается неподвижным, как маска.

— Благословен свет Его, доля нашей общины увеличилась на два бенария зерна, — отвечает сосед. В его стеклянных глазах нет радости. Только сухое, автоматическое высказывание.

Это не похоже на гипноз, или магию, которая заставляет людей ходить как марионетки. Это нечто худшее. Монолит сглаживает их волю, оставляя им бытовой разум, но заменяя их личные желания общим благом Великого Шадума. Они искренне верят, что эта серая, лишенная амбиций покорность — и есть высшая форма справедливости. Тотальное равенство в нищете духа под надзором мудрейших, всевидящих жрецов. Но меня не покидает чувство, что они действительно счастливы и их вера сравнима с моей преданностью ордену. Отбросить эти эмоции, сейчас они не важны, только моя цель имеет значение.

Мы проходим мимо рынка. Но на Юге или Севере рынок — это место жизни, криков, обмана и ярких красок. Здесь это называется «Дома Распределения». Длинные, одинаковые каменные лавки централизованных производств государства Малкуату. На прилавках лежат абсолютно одинаковые кувшины с маслом, одинаковые отрезы светлого хлопка, одинаковые порции сушеной рыбы. Торговцы не заывают покупателей, у них нет вывесок и личной выгоды. Они лишь сверяют оттиски глиняных табличек-талонов, которые приносят им горожане, и выдают строго отмеренную норму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.